

Смерть на болоте

Не успел затихнуть рокот мотора, как Отто Шульц, переодетый в красноармейскую форму, очутился у опушки леса и бросил под куст парашют.

– Только и всего? – удивился он. – Я на русской земле!.. Как просто.

Да, русская земля представлялась Шульцу совсем не такой. Готовясь к полету, он мечтал о романтических приключениях, вдруг невесть откуда появляются бородатые люди и с вилами кидаются на него... Вот на этом месте должна бы разгореться короткая схватка... Конечно, он выходит победителем и бодро отправляется на выполнение задания... Потом дома радостная встреча, бесконечные расспросы и рассказы об экзотической стране. Затем... ну мало ли в жизни радужных "затем"?

Примерно так думал Отто Шульц – рыжий гитлеровский офицер.

Неожиданное утреннее безмолвие на советской земле показалось ему жутковатым. В такой тишине приятно было бы повстречать ласкового старичка или старушку, которые, радушно улыбаясь, показали бы ему путь, накормили... Впрочем, и безлюдье совсем неплохо.

Забравшись в кустарник, Шульц решил было позавтракать, а уж затем идти дальше. По привычке на всякий случай он еще раз огляделся и вдруг заметил старика, который внимательно рассматривал брошенный им парашют. Шульц вздрогнул и с небес фантазии мгновенно опустился на землю. В нем заговорил инстинкт разведчика. "Откуда взялся этот старик? – думал Шульц, озираясь вокруг. – Может быть, он шел по грибы и случайно забрел сюда? Или это сторож? Ну, конечно, сторож, кому же быть иначе?.."

Успокаивая себя, Шульц в то же время машинально застегнул рюкзак и незаметно начал пятиться назад, не сводя глаз со старика. А тот все так же неподвижно стоял возле парашюта. Шульц повернулся и прибавил ходу, чтобы поскорее укрыться в чаще. Почти бегом опустился он к болотистой поляне и долго шел, переступал с кочки на кочку.

Предраассветный туман чуть дрожал над лесом, и сырость холодила лицо. Шульц пристроился под развесистым деревом и с облегчением вздохнул. Но только он успел снять с плеч рюкзак, как услышал по ту сторону оврага тревожный хруст ветки. Немец быстро поднял глаза и увидел того же старика.

"И чего ищет этот старый дурак! Уж не меня ли выслеживает?"

Мысль эта сразу не очень встревожила диверсанта, скорее даже рассмешила. Все-таки пока их разделял широкий овраг. Шульц вскинул бинокль и начал всматриваться: седобородый старик с палкой в руке часто наклонялся к земле, будто искал потерянную вещь. Из-под лохматых его бровей прямо на Шульца глядели внимательные, зоркие глаза. Старик держал себя степенно, по-хозяйски, и это начинало раздражать Шульца.

Петляя по лесу, Шульц в двух-трех местах поджег кустарник, сделал большой крюк и вышел на прежнее место.

"Здесь неподалеку должен быть город, – сказал он, – и железнодорожная линия рядом... Нужно торопиться..."

Совсем близко обломилась ветка орешника, и раздался чей-то вздох... Шульц побледнел: старик. Опять он!

"По моим следам идет".

Шульц больше не сомневался в этом. Он еще пробовал себя утешать: "Старику, наверное, лет шестьдесят-семьдесят, ну как ему догнать гамбургского спортсмена?"

Все же настроение у Шульца испортилось. Шутка-шуткой, но настойчивость старика становится надоедливой и опасной... Почти не целясь, диверсант два раза выстрелил в направлении орешника и побегал вглубь леса. Вслед ему тоже грянул выстрел, и меткая пуля обожгла Шульцу плечо. Где-то впереди залаяли собаки. Ветки хлестали его по лицу, сперло дыхание; ноги скользили, запутываясь в траве. Он даже не заметил, как потерял бинокль... Дрожащими руками Шульц зажег смоченные в бензине тряпки и бросил их в сухой валежник. С полчаса он бежал, не останавливаясь, на ходу зажимая рукой раненое плечо. Наконец, перед ним открылась маленькая полянка. Шульц в изнеможении

опустился на траву, дрожащими ладонями стер с лица пот и долго сидел неподвижно, чутко вслушиваясь. Кругом тишина, полная тишина! Но теперь она казалась особенно подозрительной.

"Ну да, здесь кто-то есть. Если б не было никого, пели бы птицы".

Это неожиданное открытие обожгло тревогой. Шульц начал пугливо осматривать каждый бугорок, каждую травинку. Вот на краю поляны появилась девочка лет пяти-шести. Она рвала цветы, пригибаясь к самой земле, и тоненьким голоском что-то мурлыкала.

Короткие косички смешными хвостиками прыгали у нее на шее. В воздухе гудели комары и мошки, а над самой головой девочки белая бабочка кружилась, как подхваченный ветром клочок бумаги. Подкравшись сзади, Шульц вцепился в шейку девочки жилистыми руками и, прижимая беспомощное тело к земле, придавил его коленом. Озверевшими глазами он озирался вокруг, будто искал новую жертву. Тяжело дыша, Шульц разжал пальцы и приподнялся.

Внезапно его передернуло: он вспомнил, что поджигал кусты и валежник в нескольких местах. Почему же нигде нет пожара? Неужели опять старик? Он обернулся и мгновенно замер – худой, вытянувшийся, с выпученными глазами: из-за гнилого пня виднелась голова старика. На этот раз все походило на кошмарный сон. Руки у Шульца онемели. Он даже забыл про револьвер и, опустившись на четвереньки, быстро, по-лягушачьи пополз в сторону. Как только старик скрылся из виду, Шульц пустился со всех ног в густые заросли сосен.

Бежать! Во что бы то ни стало надо бежать от старика! Бежать, не оглядываясь, во весь дух... Он никак не сумел бы объяснить, каким образом его привело обратно на то же место, где лежала задушенная им девочка. Как попавшийся в облаву зверь, он кинулся напрямик и... чуть не выбежал на луг прямо на косивших траву.. Он едва успел вовремя остановиться у самой опушки. Женщины чему-то громко смеялись. Их смех будто стегнул диверсанта. Он мечется, как загнанный зверь, а какие-то люди еще могут смеяться. Это не укладывалось в сознании Шульца.

Он повернул обратно. Впереди расстилалось поросшее травой болото. В спину ему несся чей-то задорный смех... Нет, от этих поющих, веселых, уверенных в себе людей надо бежать куда глаза глядят. Подвернулся бы случай, Шульц всех бы их перевешал, перестрелял, передушил.

У самого края болота Шульц на один миг задумался: идти ли напрямик или опять попробовать в обход? Коротким, танцующим шагом он пошел прямо – будь, что будет. Вначале ему помогали кочки и густо набросанные ветки. Он старался ступать легко, быстро переставляя ноги. Но дальше становилось все жиже, а ветки встречались все реже. Поскользнувшись на острой кочке, Шульц очутился у самой трясины, едва затянутой болотным мхом. Удержит ли она человека? Чтобы проверить это, Шульц осторожно ступил, и болото мгновенно засосало его по пояс. Напрасно он барахтался, ища опоры; ноги все глубже и глубже вязли в жидком массиве. Чтобы сразу не потонуть, Шульц развел руки и, застыв в неподвижности, начал лихорадочно одними глазами искать путь к спасению. Взгляд его скользнул по одиноко стоявшей у болота березе, и он сразу почувствовал, как зашевелились волосы у него на голове, а на лбу выступил холодный пот. Шульц даже закрыл на секунду глаза – не наваждение ли? Нет, нет – вот он, все тот же старик на пеньке под деревом. В зубах у него трубка, и сидит он такой спокойный, будто ничего не случилось.

Может быть, желая погрозить старику, – этого он и сам не успел сообразить – Шульц поднял руку, сжатую в кулак, и в тот же миг болото накрыло его с головой.

Через минуту на том месте, где только что барахтался в предсмертной ярости гитлеровский парашютист, потревоженную поверхность болота вновь затянуло зеленой ряской.

Старик молча встал с пенька, деловито выбил о каблук потухшую трубку, затем достал из-за голенища нож и начал аккуратно насесть на чубуке еще одну – пятую зарубку.

Зеленые глаза деда внимательно обшарили болото, и его морщинистое лицо осветила добрая стариковская улыбка.

Замолкнувшие было птицы вновь защебетали, запели, наполняя лес веселым гомоном.

Уяр, Ф. Смерть на болоте : [рассказ] / Федор Уяр // Дружба. – Чебоксары, 1952. – Кн. 4. – С. 215-218.